

A young boy is shown in a precarious balancing act, carrying a large, dark metal barrel on his back. He is leaning far back, with his arms wrapped around the barrel to support it. He is wearing a blue tank top, olive green shorts with orange stripes, and blue sneakers with white laces. The background is a desolate, war-torn landscape with smoke rising in the distance under a hazy sky. The text 'ОЛЕГ ДИВОВ' is overlaid in white, bold, sans-serif font across the top of the barrel.

ОЛЕГ ДИВОВ

**КОНСУЛЬТАНТ
ПО ДУРАЦКИМ ВОПРОСАМ**

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ

**Консультант по
дурацким вопросам**

«ЭКСМО»

2012

Дивов О. И.

Консультант по дурацким вопросам / О. И. Дивов — «ЭКСМО»,
2012 — (Новый Дивов)

ISBN 978-5-699-58137-5

В самой безвыходной ситуации он достанет вам центнер тротила, полтора кило пластиковой взрывчатки и три канистры резинового клея. Найдет танки и заставит их стрелять, куда вам надо. Одолжит у знакомых десяток спецназовцев на полдня и пистолет на всякий случай. Проследит, чтобы вы не подорвались на mine и вообще вас не убили. Он не любит вышибать двери кувалдой и злится, когда бросают гранаты в холодильник. Нет, он не Джеймс Бонд. Просто консультант по дурацким вопросам. Если вам нужна война и вы не знаете, как это делается, – Миша все организует. Когда внезапно случится беда, он не задумываясь рискнет жизнью, защищая интересы своей страны. Родина не скажет ему «спасибо». А напрасно.

ISBN 978-5-699-58137-5

© Дивов О. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Часть II	27
Глава 1	27
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Дивов

Консультант по дурацким вопросам

Памяти подполковника Александренко посвящается

*Родина нас не забудет.
Потому что не вспомнит.
(Народная мудрость)*

*Можно, конечно, эту вещь запретить, но лучше – издать.
Выход книги будет естественным и логичным продолжением судьбы
героев. Выход книги будет частью ее сюжета. Позитивным,
жизнеутверждающим финалом.
(С. Довлатов. «Ремесло»)*

Пролог

Республика Южная Осетия, июнь 2009 г.

– СТОП! – орал Миша. – СТОП, МАЗАФАКА!

Лежать на капоте машины, которая скачет по колодобинам, оказалось на удивление легко: у «Вектры» там были жалюзи, удобные, чтобы вцепиться намертво. Вот Миша и цеплялся.

Напрягало только, что жить осталось недолго. Потому что за машиной бежит солдат с пулеметом. Миша солдата видел, а вот Фрэнсис Александрович, мать его за ногу, Диксон – нет. Он, гад такой, всю топтал педаль газа и тарачился квадратными глазами на непрошеного пассажира.

И как заставить Фрэнсиса, сука, Александровича поглядеть в зеркало, Миша не представлял.

Оставалось только кричать. Вот Миша и кричал.

– ЛУК БЭК, Ю, БАСТАРД! ЛУК БЭК!

Я ведь не прыгну, думал Миша, мне уже просто некуда.

А этот Фрэнсис, жопа с ручкой, Александрович – он не оглянется.

У него одна забота – как меня стряхнуть с капота.

А солдат дослал патрон, и бежать ему надоело.

И сейчас этот добрый русский парень начинает меня спасать. Доступным ему образом. У него из спасательной техники один только пулемет. Засадит «Вектре» под хвост, сколько широкая славянская душа не пожалеет, – то-то нам тут будет весело...

Настоящая хохма выйдет, если я помру героем, на фиг никому не нужным, а Фрэнсис факин Александрович – уцелеет. Я же ничего не смогу объяснить, дохлый-то. Ничего не смогу доказать.

И поедет он отсюда в свой Висконсин, а я – на кладбище.

А как все хорошо начиналось.

Часть I

Из России с любовью

Москва, весна 2009 г.

Глава 1

Казино «Рояль»

Сцена 2.9.

«ВОЕННЫЙ ГОРОДОК»

Экст.

Актеры: Кононенко.

Массовка: солдат.

Военная техника: автоматы.

Пиротехника: попадание снаряда в казарму.

Опять его разбудил телефон. Каждый вечер Миша говорил себе, что надо трубку отключить, и каждый раз забывал. Наверное, из-за профессиональной деформации. Рабочие инстинкты мешали. Телевидение всегда случается вдруг, а особенно оно любит произойти, когда ты спишь.

– Извини, дорогая, – буркнул Миша, одной рукой протирая глаза, другой нащупывая трубку.

Ему не ответили. Рядом было только скомканное одеяло. Он посмотрел в телефон – нормально, полдесятого, это даже хорошо, что позвонили.

– Здравствуйте, Михаил! – раздался в трубке жизнерадостный голос. – Слушайте, вы ведь в этом разбираетесь. У нас тут по сюжету такая фигня... В общем, какую гранату можно кинуть внутрь холодильника, чтобы никого не поранило на кухне?

– Простите... Какую гранату?

– Нет, это я вас спрашиваю – какую?

Он представил себе гранату в холодильнике, на всякий случай еще раз протер глаза и снова посмотрел, который час.

– Видите ли... Э-э... Прямо не знаю, что вам ответить.

– А нам сказали, вы разбираетесь...

– В том-то и беда! – буркнул Миша.

– Очень жаль!

Мишу эта реплика слегка обидела.

– Послушайте, – сказал он вкрадчиво. – Если у вас по сюжету все равно никто не пострадает – то какая разница? Кидайте хоть противотанковую. Что, в первый раз, что ли?

– Спасибо, – сухо ответили ему и отключились.

Весеннее обострение, подумал Миша. Главное – не принимать его близко к сердцу. И вообще сам виноват. Мог не отзывать, едва увидел номер. Ты ведь знаешь, кто им сейчас пишет, кто выдумал эту чушь с гранатой в холодильнике. Тот самый сценарист, автор бессмертной фразы «Главный герой, запыхавшись, перевалил гряду водораздела». Так и хотелось добавить: «А потом понюхал розу ветров»...

А с другой стороны – надо трубку брать, надо: звонят же люди, вдруг у них серьезный вопрос.

Не как вчера.

Вспомнив, как это было вчера, Миша хмыкнул. По сценарию, в загородном доме нехороший человек совершал тяжкое преступление, удерживая там заложников. Ну а поскольку терроризм – это болезнь, то позвали докторов. Играть скорую антитеррористическую помощь Миша пригласил, как всегда, закадычного друга Ваню и его скромное охранное предприятие. Эти могли изобразить кого угодно так, что не было стыдно. Ну и Мише в качестве бонуса полагалась роль: когда просто с автоматом побегать, а когда и двери вышибать.

Пока съемочная группа выставляла свет и раздумывала, куда пристроить звук, рядом готовились «актеры», один другого внушительней. Шнуровка, экипировка... И вдруг откуда-то сзади послышалось:

– Ой, а спецназ у нас настоящий?

– Нет, блин, игрушечный, – буркнули, не глядя, в ответ.

– А что, жилеты у вас тоже настоящие?

Тут бойцы уже обернулись – посмотреть, кто такие странные вопросы задает вроде бы мужским голосом, вроде бы взрослым. И правда, их с любопытством разглядывал некто подчеркнуто модный, весь такой гладенький и хорошенький, но явно мужского пола. Миша не стал объяснять, что это оператор-постановщик, довольно важная персона на площадке. За глаза он звал оператора «гламурное кисо». Кисо знало свое дело отлично, но помимо специальности разбиралось, похоже, только в шмотках да сортах парфюма и могло довести консультанта до белого каления, задавая на разные лады один-единственный вопрос: «А почему?» Что самое обидное – все объяснения мигом вылетали у постановщика в другое ухо и на картинку практически не влияли. Миша устал от него и был бы рад посмотреть, как тот, со всей своей детской непосредственностью, сядет в лужу.

Сообразив, что человеку действительно интересно, а Миша никак не реагирует – типа, сами разбирайтесь, – «актеры» повели себя любезно.

– На, попробуй! – сказали они. – Примерь!

Клиент и моргнуть не успел, как на него напялили самый тяжелый броник, не отказав себе в удовольствии утянуть жилет по всем правилам – с ноги. На голову нахлобучили шлем и опустили забрало.

Оператор заметно уменьшился в росте. Голову в шлеме он сумел повернуть, только когда помог ей руками.

– А скажите, – донеслось из-за забрала, – жилет крепкий?

– Ну... Мы пока не жаловались.

– А он что, пулю держит?

– Он вообще-то бронежилетом называется, для того и предназначен, – бойцы начали потихоньку закипать. Они уже жалели, что связались с этим типом. – Хотя, конечно, смотря какая пуля и с какой дистанции...

– А шлем? Он тоже пулю держит?

– Есть такая надежда, – сообщили любопытному уже совсем хмуро.

– А что вы чувствуете, когда пуля в шлем попадает? Это сильно? – не унимался оператор.

Бойцы переглянулись. Кто-то снова посмотрел на Мишу, но тот упорно молчал и вообще старался не поднимать глаз. Только губу закусил, чтобы не заржать в неподходящий момент.

– Попробовать хочешь? – спросили оператора доверительным тоном, будто предлагали нечто запретное.

– Что, пулей?!

– Е-мое... Мы чего, на идиотов так похожи?! Нет, не пулей, но кое-какое представление у тебя будет. Почти стопроцентная имитация...

– Хочу!

БАЦ!

Это в шлем прилетел приклад, не сильно, но убедительно. Оператора срубил наземь как подкошенного, вот он стоял – и вот уже отдыхает. Бойцы сгрудились над телом. Настала их очередь любопытствовать.

Секунд через десять тело легонько зашевелилось и из-под шлема слабо донеслось:

– Да-а, впечатляет...

Бойцы гордо расправили плечи. И тут «гламурное кисо» срубил их ответно, тоже наповал:

– Теперь понятно, почему у вас чувства юмора нету и шеи накачанные...

* * *

Граната в холодильнике никак не шла из головы: размахивая гантелями, Миша все думал о ней, сбился со счета и наказал себя за это, начав упражнение заново. Он всегда так с собой обращался – без поблажек. Окружающим Миша был готов простить очень многое, себе – ничего. Взглянул за что-то, тогда делай и делай хорошо. Не получилось – обязательно разберись почему.

Это у него было не природное, а самовоспитанное: если тебе еще в детстве объяснили, что ты мечтатель, фантазер и раздолбай, «такой же, как твой отец», и никогда из тебя серьезного человека не получится, даже не пытайся – результат может выйти прямо противоположный. Конечно, если ты понимаешь, что в главном-то мама права и глубоко внутри тебя прячется он самый: мечтатель, фантазер и раздолбай.

Собственно, на взгляд мамы, серьезным человеком Миша Клименко к своим почти тридцати годам так и не стал и толком не пробовал. Ну разве это дело: сначала болтался на телевидении, теперь болтается рядом с телевидением, даже нигде в штате не числится (весь в отца). Чем именно занимается, нормальным людям понять невозможно. Зачем этим занимается, не понимает сам (это тебе только кажется, что понимаешь, дорогой мой, я ведь тебя насквозь вижу). Девушку завел наконец-то хорошую – и не женится никак (допрыгаешься, уйдет от тебя, раздолбай). Компанию водит черт-те с кем (этот твой Ваня, он же форменное чудовище). Диплом университетский, спасибо, не выбросил. А мог бы стать неплохим юристом.

Миша, напротив, считал, что все у него складывается неплохо. Только прошедшая зима выдалась скучная и однообразная, не работа была, а тоска сизая, но в целом жить можно. Да, кому-то могло казаться, что он плыл по течению. На самом деле Миша всегда поступал не благодаря обстоятельствам, а вопреки. Начиная с перековки характера и заканчивая тем, что нынешнюю свою профессию ему пришлось фактически выдумать. Интересная вышла профессия, хотя временами и вредная, особенно весной, когда у сценаристов обострение...

Дважды за короткую свою жизнь Миша дал слабину в тот момент, когда можно было очень круто все переменить. Оба раза от большой сыновней любви – не хотел травмировать маму, жалел ее, поддавался на уговоры.

Расплачиваться за слабость предстояло каждый день – вот отсюда и до самого конца.

* * *

В ванной он первым делом привычно ликвидировал утренний бардак, который устроила Лена, убегая на работу. Век живи – век учишься: думал, хирурги – люди аккуратные, только не учел того, что у них за барахло отвечают медсестры... Ладно, парень, не злобствуй, ты же знаешь: на службе Лена – четкая. Это она дома расслабляется.

Он закрыл колпачок на тюбике зубной пасты и усмехнулся – сам ведь сейчас будет зубы чистить. Но порядок есть порядок, его надо тупо и методично поддерживать, а то привыкнешь жить в хлеву и не заметишь, как обрастешь шерстью. Что за беда, подумал Миша, ну почему

с женщинами, которые все разбрасывают, ему интересно, а с аккуратными – не очень? И приходится теперь быть педантичным за двоих...

Он быстро соорудил немудреный завтрак и уселся на кухне, положив перед собой раскрытый ежедневник. Потертый, зато любимый, надежный инструмент планирования. Электронным прибудам Миша не доверял – работа отучила. Слишком часто он попадал в такие места, где пачка из-под сигарет с криво нацарапанным на ней телефоном оказывалась важным документом, а какой-нибудь айфон – мертвым грузом. Не потому что батарейка села, а потому что на айфон упали. В «горячих точках» и регионах, где война только-только отгремела, электричество не такая уж редкость. Зато там все раздолбано, из дорог одни ямы, а здания держатся на честном слове и иногда рушатся прямо на тебя. Еще там временами летают снаряды и рвутся мины: ну извините, не всем успели сказать, что война кончилась. В такой нервной обстановке раскопать нежную гражданскую вещицу – дело одной секунды. Убегая из-под обстрела, берегут только камеру. Все остальное, включая себя, любимого, при поспешном отходе бьется об углы, волочится по шерботому асфальту и кувыркается по камням. Только укрывшись, отдышавшись и проверив драгоценную съемочную технику, люди замечают: сами они оборваны и исцарапаны, а мобила в кармане подозрительно хрустит.

А некоторым случается и в лужу нырнуть. А кому и в болото.

Так что бумага и еще раз бумага. Во внутреннем кармане. От воды ее можно просушить, а от огня она сгорит вместе с тобой, и тебе будет уже все равно.

Ну и просто на руке много текста умещается, главное потом раньше времени не вспотеть. Пока не перепишешь на кусок обоев.

Хотя обои, сигаретные пачки и мелкие купюры в качестве записных книжек – это экстрим, конечно. Обычно самые важные заметки делаются на обороте черновика сценария.

Кстати, о сценариях... Где же я это записал... Миша отхлебнул кофе, перелистал ежедневник и заглянул в самое начало года. Ага, нашел. Перл того же автора, который «перевалил гряду водораздела», а теперь гранаты кидает в холодильники на потеху зрителям.

Не сцена, а загляденье просто.

«Сапер аккуратно убирает обломки стекла и крошку бетона и видит неразорвавшуюся миномётную мину. Он поднимает ее, несет к выходу. Он выходит в коридор, на него оглядывается один из его товарищей.»

Сапер-2

(усмехаясь)

Есть улов?

Сапер-1

(показывая мину)

А то.

Второй сапер обернулся к товарищу, отвлекшись, и продолжает идти в сторону одного из классов. Первый замечает тонкую проволоку, натянутую на пороге. Он не успевает ничего сказать, просто бросает металлоискатель, держа в одной руке мину, подскакивает к Саперу-2, хватает его и оттаскивает назад».

Казалось бы, и чего тут такого? Да ничего. Просто все умерли. Потому что едва Сапер-1 дернулся, у него прямо в руке жажнуло четыреста граммов взрывчатки и во все стороны полетело несколько сотен осколков. Одно время наши в Чечне любили подсунуть нохчам сюрприз

в виде мины от «Подноса»¹, предварительно стукнутой хвостовиком о грунт. Тюкнули – она встала на боевой взвод – и аккуратно положили. Типа, забыли боеприпас. Неопытные вахха-башки хватать за мину шаловливыми ручонками... А взрыватель М-1 очень чуткий. Любое резкое продольное перемещение грозит тем, что ударник наколет капсюль – и БУМ!

В общем, если мина прилетела и не взорвалась, с ней после этого не то что «подскакивать к Саперу-2» нельзя, а даже чихнуть опасно.

Но, разумеется, если по сценарию все остались живы...

Да пускай они с этой штуковиной хоть танцуют. И кидают гранаты в холодильники. Если это сценарий не про армейских саперов, а про гражданских клоунов. Гражданским и тем более клоунам – можно. А с точки зрения специалиста, в сценарии все неправда. Настоящий «Сапер-2» не спросил бы, усмехаясь: «Есть улов?» Потому что «Сапер-1», найдя мину, сразу подал бы голос, предупреждая напарника. И не может такой человек слепо шагнуть в дверной проем, который еще не проверил. Не обучен он так себя вести. Сапер, как известно, ошибается в жизни дважды, первый раз – когда выбирает профессию. Чтобы второго раза не случилось, дрессируют их жестко. Миша это знал не только со слов знакомых пиротехников, сплошь отставных подрывников. Его самого натаскивали по минному делу: едва подвернулся случай, он его не упустил.

Миша никогда не упускал случая чему-то полезному научиться...

И вот тут начинается острое противоречие. Одна из функций таких, как Миша, знающих людей – консультировать авторов, чтобы сценарий был достоверен. Чтобы там не кидались на «растяжки» и не прыгали с боеприпасами, которые вот-вот долбанут. Консультант по военным вопросам твердо знает: драматическая сцена с «Саперами 1 и 2» попросту невозможна. А сценаристу она нужна: потому что драматическая. Для остроты сюжета. Сценариста понять можно. Вопрос в том, где проходит грань между неправдой и художественным вымыслом.

Даже в фантастике есть строгие правила насчет достоверности, иначе фантастика становится бредом. Как говорил Мише один писатель: «Ты можешь выдумать мир, где люди ходят на головах, но тогда позаботься, чтобы на макушках у героев были мозоли».

А в телевизоре сплошь и рядом – без мозолей...

Дзынь! Дзынь! Дзынь!

Миша взял трубку и, жуя, невнятно представился:

– БГ.

– А чего ты им сразу не сказал, чтобы светомушкетеру кинули? – спросили его без лишних предисловий. – Они уже сами додумались. Сидят теперь гордые такие, всех обзванивают, ищут, у кого «Зарю» раздобыть.

– В девяносто втором году в Нальчике, – скучным голосом произнес Миша, – случился бунт в следственном изоляторе. Кто-то из бунтующих с крыши СИЗО бросил камень и попал начальнику по ноге. Начальник скомандовал придурков с крыши убрать. На крышу закинули три «зорьки». Крыша была покрыта гудроном с редким щебнем. Результат – пятеро тяжело-раненых.

– Тьфу, блин...

– Другой случай, – все тем же скучным голосом доложил Миша. – У некоего офицера тогда же, в начале 90-х, рванула в руках дефектная «зорька». Травматическая ампутация по локоть, плюс ожоги, плюс осколочные ранения корпуса.

– Блин... Ладно, там холодильник старый, железный такой, «Розенлев». Будем считать, что он это выдержал и не развалился.

– Зачем? – только и спросил Миша.

– Они хотят, – ответили ему исчерпывающе.

¹ 82-миллиметровый миномет.

– Соболезную.

– Ой, да в первый раз, что ли... Справимся.

Фигней какой-то занимаемся, подумал Миша. И чем дальше, тем больше. А так хочется сделать настоящее военное кино на современном материале, чтобы народ увидел – и как это выглядит в реальности, и как мы это можем снять. Ведь можем. И воевать, и снимать.

Но пока все, что у нас хорошо получается, – это, выиграв настоящую войну, проиграть информационную. Как продули «восемь-восемь-восемь». Кто первый крикнул «Россия напала на Грузию!», тот и победил. Доказать спустя год, что мы не верблюды, – это проигрыш. Потому что спустя год это никому не интересно.

Миша оторвался от ежедневника и уставился в окно.

За окном была весна, деревья зеленели, жизнь била ключом: над помойкой кружили вороны, среди детской площадки раскорячилась по-большому собака. Скоро начнется беспощадная московская жара, когда выгорает кислород из воздуха и город превращается в газенагаген. Удрать бы куда-нибудь в командировку, что ли. Вырваться хоть ненадолго из замкнутого круга. И в коротких паузах между форс-мажорами – это телевидение, парень, – как следует поразмыслить обо всем.

О том, на что похожа твоя жизнь, например, и так ли уж сильно тебе это нравится.

* * *

Он уже собрался выходить, когда телефон задребезжал снова.

– Да тьфу на тебя, – сказал Миша телефону. Поглядел, что за номер, и слегка приободрился. Звонил генеральный с «Прайм-ТВ», его граната в холодильнике вряд ли интересует, не тот масштаб. Разве что грузовик тротила и фабрика мороженого...

– Миш! Слушай, тут у нас такая, блин, фигня...

Ой, мама, подумал Миша.

Спокойно, спокойно. У них работает сам Пиротехник, он фабрику мороженого взорвет на раз-два, фонтан пломбира обеспечен. Не станет «Прайм-ТВ» из-за такой мелочи тебя дергать.

– Поговорить надо. Можешь приехать?

– Да! – выдохнул Миша.

– Э-э... Все в порядке? – заволновались на том конце.

– Да-да, – сказал он. – Наконец-то.

Бросил короткий взгляд в зеркало, решил, что бриться не обязательно, и вышел из квартиры. Есть у гражданской профессии свои плюсы – допустим, бреешься не когда положено, а когда действительно надо. И если надел камуфляж, значит, он тебе сегодня нужен, а завтра ты его снимешь. И никто не спросит, зачем ты поднял воротник, не прикажет вынуть руки из карманов и сделать лицо попроще. И заколку на галстук никто не заставит тебя цеплять. И еще куча утомительных мелочей, что формируют повседневную жизнь военного и подчас отравляют ее, тебя не касается.

Миша долго мог себе объяснять, как это хорошо, что он все-таки гражданский. Вот, допустим, если начальник твой идиот, трус и подлец – как ты поступишь? На гражданке ты, например, всегда можешь взять его за галстук без заколки и слегка этим галстуком придушить. Сама мысль о том, что такое возможно, здорово греет. На самом деле ты просто сунешь руки в брюки и уйдешь искать начальника получше. Или вдруг позвонят – вот как сейчас – именно тогда, когда тебе позарез надо переменить обстановку, а то совсем закис. И ты, не раздумывая и никого особенно не спрашивая, бежишь ловить удачу за хвост.

Хорошо ведь быть свободным, правда?

Миша подошел к старенькому «Форду», критически оглядел левое заднее колесо, опять слегка просевшее, решил, что до «Прайм-ТВ» это колесо точно доедет, а там разберемся, и сел в машину. Завелся, подождал секунду-другую... И полез в багажник за компрессором. Это же разумно? – спросил он себя. Разумно, кто бы спорил. Главное, чтобы без фанатизма и педантизма.

И, пожалуйста, без этой вот интеллигентской рефлексии, которая тебя накрывает, когда воображаешь, что все могло сложиться иначе. Да не могло! И хватит страдать фигней.

Он подкачал колесо, проверил давление в остальных – и поехал ловить свою удачу.

Вдруг действительно сегодня повезет и наклюнется серьезное дело, а то надоело все хуже горькой редьки.

Глава 2

Только для ваших глаз

Сцена 8

«САМОЕ ЦЕННОЕ»

Экст.

Актеры: Дедок (грузин), Дима, Андрей.

Массовка: эмчэсовцы, жители – 4.

Реквизит: лопата, чемодан, семейные фотографии, коробка из-под конфет.

Военная техника: маш. МЧС-«таблетка», автоматы – 5.

У Миши было два слабых места. Во-первых, он не любил свое полное имя. Во-вторых, иногда (к счастью, изредка) вспоминал, что с детства мечтал стать военным и если не предал свою мечту, то уж точно профукал все шансы ее осуществить.

С именем было просто. Однажды за рюмкой чая старший товарищ, известный в миру под скромным прозвищем Пиротехник, спросил его – а чего ты, мил друг, по жизни просто Миша? «Миша» – это, допустим, танцор Барышников, который прыгнет выше твоей головы, но все равно поместится у тебя за пазухой. В Мишу Барышникова – верю. А в Мишу Клименко – ну никак, слишком ты здоровый вымахал.

«Ну сам подумай, – ответил Миша. – Что это за имя – Ми-ха-ил? Фигня какая-то».

Они хлопнули еще чайку, и Пиротехник попытался возразить, но Миша уперся – и ни в какую. Считай, у меня детская травма, сказал он. Правда, не понимаю, в чем она заключается, но травма была наверняка.

У тебя родовая травма, сказал Пиротехник: дурень ты, вот и все.

Миша не стал ему напоминать, что Пиротехник сам с прибабахом и иногда зачем-то косит под еврея. Однажды его зазвали в массовку на фильме «про фашистов» – в перерыве между взрывами. Лицо приглянулось, наверное, такое доброе, широкое, фактурная сытая эсэсовская морда. Обрядили в немецкую форму, повесили на шею автомат. Пиротехник гордо приосанился и ляпнул: таки шо, опять погром?.. Черт знает, как это у него получилось, но все легли, а работа встала, пока не раздалась команда режиссера убрать «этого долбаного жванецкого» с площадки – стоило кому-нибудь просто глянуть в сторону Пиротехника, начинался дикий хохот.

Ничего особенного, на самом деле – скромная, вполне допустимая в приличном обществе придурь, что у одного, что у другого.

А вот с армией у Миши отношения сложились непросто.

Его дед и прадед были военными инженерами, но если дед просто честно заслужил свою папаху, то биография прадеда выглядела феерически. Собственно, чем тот занимался на самом деле, Миша так и не выяснил. В октябре 1917-го прадед должен был уехать в Берн на юридический факультет, у него там был уже проплачен пансион. Но история распорядилась по-своему, и в 1919 году он оказался аж в Первой Конной армии. В двадцать пятом окончил Киевский университет, а в тридцатом трудовую книжку прадеда украсила лаконичная запись: «Служба в РККА». В тридцать третьем он уже преподаватель на кафедре сопромата Бронетанковой академии механизации и моторизации им. Сталина. В сороковом ушел отсюда в ЦИАМ – Центральный институт авиационных материалов. В сорок седьмом получил на руки военный билет офицера запаса со званием «инженер-майор». И там было черным по белому написано: в РККА не служил, военно-учетной специальности не имеет, иностранными языками не владеет. Будто издевки ради на фотографии в билете прадед красовался не просто в военной форме, так еще и с петлицами. Ну и трудовая книжка уверяла, что «испытание по немецкому языку успешно

сдано». Такой вот загадочный товарищ. Что с ним было до 1917 года, прадед всегда рассказывал охотно, что было после 1947-го – тоже. Между этими двумя датами – глухо как в танке, даже и не спрашивай, старик просто уйдет от ответа. Что делал «на службе в РККА», которой якобы в его биографии не было, как попал в академию бронетанковых войск – тайна, покрытая мраком.

С такими предками и не захочешь, а заинтересуешься военным делом. Миша – хотел. Увы, это совсем не нравилось его маме, у которой детство и юность пропали по глухим военным городкам, и вынесла она оттуда некие далекоидущие выводы, о которых предпочитала не распространяться. А характер ей достался фамильный, и раз она решила, что еще одного поколения офицеров в семье не будет, – считай, это приказ. Мише иногда казалось, что из мамы получилась бы шикарная генеральша – точно по поговорке «выходить-то надо за лейтенанта». Может, и был у нее свой лейтенант, да сплыл? Разное с ними случается. Ведь не с бухты-барухты офицерская дочь и внучка, ко многому привычная, резко невзлюбила все, связанное с военной службой...

Так или иначе, замуж она вышла за музыканта, обаятельного рохлю, который никому в доме не мешал, потому что рояль все равно ставить некуда. Пианистом он был отменным, нарасхват, вечно пропадал на гастролях, привозил сыну замечательные подарки, но получалось, что при живом отце Мишу воспитывал дед. И влиял на ребенка своеобразно – а что с деда возьмешь, если он, кроме как строить нашу оборону и ломать чужую, ничего не умеет. Все их со внуком совместные развлечения проходили по разряду «занимательная фортификация», «веселая рельсовая война», «химзащита с утра пораньше», «нарезка секторов обстрела для чайников», а там и до «юного друга РВСН» дошло. Нужно ли говорить, что друзья у деда были такие же монстры, а у монстров были дети, орденосные уже и способные разнести весь мир в труху, а у детей – неплохо подготовленные сыновья, за компанию с которыми очень весело удрать на пустырь и чего-нибудь там наинженерить, чему дедушки научили, а затем тактически грамотно отступить в укрытие, пока не приехали менты, пожарные и «Скорая помощь».

А потом детство кончилось, дед умер, отец незаметно растворился в пространстве, Миша вырос, пришел к маме и сказал: я хочу поступать в военное.

Момент оказался не самый удачный: мама как раз поняла, что, пока ее супруг появлялся в доме редко, всем было хорошо, а с тех пор, как не появляется вообще, – стало еще лучше. Это открытие ее сильно воодушевило и в целом придало оптимизма. Мама готова была решать проблемы по мере поступления. Вот, явилась как раз проблема. Щас мы ее – сплеча.

Как воспитанный человек, мама сначала попросила Мишу объяснить, зачем ему военное училище. Потом ласково посоветовала не делать глупостей – ради нее хотя бы. А когда сочла, что дискуссия несколько затянулась, достала телефонную книжку и показала Мише несколько знакомых имен.

– Ты забыл, кажется, кто мой отец, – сказала она. – Я просто им позвоню и по-хорошему все объясню. Они не откажут хотя бы ради памяти твоего деда. Это тебе шуточки, а они-то помнят, как папа был в мирное время дважды ранен. Я не хочу тебя хоронить. Я позвоню, и они сделают так, что ты не поступишь никуда. Даже если сумеешь подать документы, тебя завалят на вступительных. Это будет унижительно для нас обоих, и ты потеряешь время... Но я так решила. Прости, сынок, но ты у меня один. Простишь?

Миша что-то невнятное промычал – в смысле «незабудунепрошу» и ушел на улицу. Выпил пива, разбил костяшки о чью-то голову, выпил еще пива, чудом сам не получил в пятак, выпил портвейна, наблевал в песочницу – в общем, провел время с толком и пользой. Очнулся он, когда понял, что сосед, такой же оболтус-старшеклассник, плачется ему в жилетку: хочет поступать в военное, а родители уперлись рогом... Дом ведомственный, проблемы у всех одинаковые. Только у соседа отец дослужился до подполковника – и видеть сына офицером не

хочет, потому что «сейчас не армия, а жопа, я-то в ней до упора досижу, мне деваться некуда, а ты чего в жопе забыл?».

Назавтра, кое-как успокоив организм крепким чаем и заклеив руку пластырем, Миша достал из записки телефонную книжку деда – с теми же знакомыми громкими именами. Сам того не зная, он в это утро ступил на стезю, которая заведет его очень далеко. Говоря профессионально, он раздобыл «контакты» и набрался смелости их «поднять».

Смелости понадобилось о-го-го сколько, но Миша себя заставил. Он видел проблему, и ему нужно было знать, как ее решать. Не знаешь как – найди того, кто объяснит. Тоже еще один системный шаг к будущей профессии, о чем он пока не подозревал.

Тихо обалдевая от собственной наглости, Миша вызвонил двоих очень занятых людей в погонах – и напросился зайти на пять минут.

– Ничего себе история! – сказал ему первый. – Парень, раз ты твердо решил чего-то добиться, никто тебя не остановит. Но... Видишь ли, если Татьяна позвонит, я окажусь в глупом положении. Потому что я и ее отлично понимаю!

– Не валяй дурака, – сказал второй. – Нам нужны порядочные ребята вроде тебя, но у них должен быть крепкий тыл. Их должны отпускать в армию если не с большой охотой, то уж точно без истерик и шантажа. Ничего, что я так прямо?.. Я Таньку еще во-от такой помню, другая бы поплакала и успокоилась, а эта не остановится ни перед чем, раз ей вступило в голову... Не знаю, может, ты готов сейчас с ней разругаться насмерть, это по молодости легко. Но поверь моему опыту, мужику нужны две вещи – Родина и мама. Родина – чтобы ее любить, а мама – чтобы тебя любили. Иначе и держаться в жизни не за что...

Вот этот, второй, его и убедил. Миша плюнул и стал готовиться на юридический. Доиграть за прадеда его неудавшуюся гражданскую судьбу.

Как нарочно, именно на юридическом Мишу поджидала засада – его и Ваню, двух здоровых спортивных парней, «двинутых» на военном деле и потому тусовавшихся вместе еще с абитуры. За ними долго наблюдали, а потом однажды подошли и позвали «зайти поговорить». Собеседование обернулось так, что Миша закрипел зубами – обоих пригласили работать в антитеррор. Ваня думал над предложением целый день, просто для солидности и вообще на всякий случай. А Миша вежливо отказался. Соблазн был велик, но тогда у него появилась бы от матери тайна, а он не хотел врать и притворяться. Миша успел с мамой подружиться, наладить взаимопонимание, и это было очень важно. У него близких, кроме мамы, считай, и не осталось. Ему надо было кого-то любить помимо Родины.

Ваня, отработав несколько лет «неаттестованным сотрудником», стал офицером. Миша, случайно зайдя на телевидение, вдруг застрял там. А дальше все сплелось и перепуталось, чтобы выстроиться наконец в систему.

Юношеская увлеченность военным делом превратилась у Миши сначала в очень серьезное хобби, а потом – в образ жизни. Он достаточно «нахватался» смолоду, чтобы эти базовые навыки имело смысл развивать. Было желание – и были возможности. И Миша уже целенаправленно просил знакомых, чтобы ему преподавали конкретные вещи. Его всегда занимала «инженерка», и нашлись друзья, которые специализировались по военно-инженерной подготовке. Просил, чтобы дали серьезную «стрелковку», – да не вопрос. В двухтысячных годах это все было уже легко организовать. Нашлось множество учебно-практических пособий, которые можно потрогать и даже поковырять – и ему позволяли. Кое-что со словами: ты же, дурень, любопытный, ты все равно полезешь, ну так если полезешь, то делай хотя бы по уму...

А он и правда был любопытен. В первую очередь любопытен к людям – почему они такие, что в них особенного, как влияет на них профессия и так далее. И, конечно, чему можно у них научиться. Из этой тяги к знаниям выросла чудесная Мишина черта – оказалось, что он умеет легко заводить знакомства и, главное, без малейшего напряжения их поддерживать. Для него не существовало «нужных людей», это всегда были паритетные отношения.

Что характерно, у него, кроме Вани, не осталось друзей своего возраста. Весь остальной круг общения был старше – кто на пять лет, кто на семь, а кто и на пятнадцать. Мише так казалось гораздо интереснее. А чтобы в такой компании не теряться, он и себя волей-неволей подтягивал к ее уровню. Из-за постоянного взгляда «вверх и вперед», учебы на чужих ошибках и заимствования жизненного опыта Миша внутренне сам себя перерос. В двадцать с небольшим он знал достаточно для тридцатилетнего.

Естественно, все, что накопилось, он при первой же возможности пустил в работу. И угадал, да еще как угадал. Нашел-таки свое место.

«В телевизор» он пришел мальчиком на побегушках, администратором на площадке. Заводная, даже азартная работа для парня, из которого поперли организаторские способности. Прояви себя – не пожалеешь. Миша за несколько лет честно прошел все ступени. Начиная с простого: «Значит, утром ты должен приехать забрать аппаратуру, а потом проследить, чтобы вовремя привезли обед, или просто съездить в магазин и купить этот обед для людей». А закончил организацией тяжелых и специфичных съемок, с которыми не каждый справится: администратор Клименко оказался редким и нужным специалистом по контактам с силовыми ведомствами. Кого только оттуда не посылали, а Миша – приходил и убалтывал. А поскольку он ни разу при этом силовиков не подставил, его просили заходить еще. Координация с милицией, с военными, с ФСБ – это был его конек. Миша говорил с ними на одном языке. И не только говорил. Образно выражаясь, он был настроен с силовиками на одну волну – хотя бы в силу своего круга общения.

Сначала на него, конечно, смотрели недоверчиво (что за странный тип, вроде гражданский, а по-нашему мыслит и все верно понимает), но со временем отношения наладились.

У него появились тайны от мамы – Миша начал ездить в командировки туда, где стреляют, – но это уже не имело значения. Однажды он привез с Кавказа осколочную царапину, и снимала ему шов в Москве прелестная молодая женщина. Шов заинтересовал ее как врача (не иначе, самостоятельно на коленке зашивали), а пациент – чисто по-человечески (и охота вам голову под пули подставлять ради телевидения...). Миша объяснил, что он не свою подставляет, а больше чужие бережет. Так и познакомились.

К неполным тридцати годам Миша стал в своей области почти всемогущ, хотя и не подозревал об этом. Он мотался по съемкам, и впереди него бежала репутация – посыл, с которым ему давали все новые и новые «контакты»: этот парень не подставит. Ведь чего боятся силовики при общении с журналистско-киношной братией? Подлянки. Сейчас ты поможешь репортеру, а потом он тебя полным кретином выставит. Либо просто сдаст, либо такой сюжет забачает – хоть застрелись... А Клименко – компетентный и почти свой, потому что насчет него звонили свои люди.

По-настоящему своим Миша не станет никогда, но он и не со стороны «этих». Он приходит и говорит: здрасте, вам звонили, мне нужно то-то, чтобы снять то-то, давайте посмотрим, что мы можем придумать с вами вместе... И складывается впечатление, будто на самом деле он играет на стороне силовиков. А так и есть. Возможна ситуация, когда он придет со словами «мне надо договориться об этом и об этом», а потом вздохнет и скажет: мужики, если по-честному, – не соглашайтесь, найдите способ отбрехаться.

Иногда он так и говорил.

* * *

По пути не оказалось пробок, телефон больше не дрыгался, впереди ждало нечто интересное, и если лимит идиотизма на сегодня исчерпан – день, считай, уже удался.

Миша умел радоваться жизни, да еще как, просто в последнее время заскучал. Наверное, слишком монотонная выдалась зима: работа – дом, работа – дом. И если одинаковые вечера

дома только радовали, потому что там была Лена, то одинаковые дни на работе – утомляли. Дурацкая выдалась полоса: раз за разом снимали удручающе стереотипные эпизоды. ОМОН вламывается в квартиру: бах-трах, дверь с петель, бац-бац, всем лежать. Антитеррор ФСБ вламывается в квартиру. Бах-трах, дверь с петель... А теперь ОМОН вламывается в квартиру – весело! Потому что комедия!

Иногда комедии на площадке случались и без режиссерских вводных, но не особо радовали. Однажды Миша поймал себя на том, что мечтает: а вдруг на следующей неделе попросят, чтобы в квартиру вломилась испанская инквизиция, – хоть какое-то разнообразие...

Но сценарии шли одинаковые, словно шнурки. Продюсеры жаловались на кризис идей и «синдром профессионального выгорания» у сценаристов. Режиссеры – на то, что это кризис шаблонных идей, поскольку других никому не надо: если идея по-настоящему оригинальна, она всегда отпугивает продюсеров. Сценаристы уже ни на что не жаловались. Они профессионально выгорели.

Кончилось тем, что Миша вспомнил старое правило «нечего читать – сам себе напиши», напряг извилины и накатал за несколько вечеров здоровенный синопсис – под сериал. Героями он взял двух друзей-спецназовцев, которых судьба так прихотливо раскидала, что один в конце концов стал террористом поневоле (захватил в заложники подлого чиновника), а второй пришел его обезвреживать. Самым трудным оказалось не писать, как все было на самом деле, а придумать худо-бедно если не хеппи-энд, то открытую концовку.

Очень хотелось как-нибудь увильнуть от сцены «ОМОН вламывается в квартиру», но Миша уже без этого, видимо, жить не мог, и ОМОН таки вламывался.

Поначалу синопсис Мише понравился. История динамичная, однако не в ущерб глубине мысли, с четко прописанной моралью и ясно различимым авторским месседжем. И реалистичная – комар носа не подточит, все серьезно, продуманно. Миша был уже на грани того, чтобы воскликнуть: ай да Клименко, ай да сукин сын... Но, перечитав свой опус раз, перечитав два, он взглянул на идею режиссерским глазом – и стал править текст. Потом взглянул как продюсер – и снова все покромсал... Только недели через две до него дошло, почему нет смысла делать из этого синопсиса полноценный сценарий. Историю двух товарищей в таком виде никто не взялся бы снимать никогда. Неплохая на уровне отдельных эпизодов, она была слишком хмурой в целом. Из синопсиса так и перла безнадега. Читаешь абзац и чувствуешь, что как герой ни дергается, уже в следующем абзаце ему будет от ворот поворот и хрен по всей морде. Сам того не желая, Миша соорудил полную и окончательную трагедию.

А всего-то «правду жизни» описал.

Стараясь не думать о том, что синопсис, возможно, просто фиговый, Миша спрятал его от себя подальше и даже Лене не показал.

В конце концов, страна у нас большая, народ талантливый, хороших сценариев рано или поздно на всех хватит. А мы уж снимем так, чтобы не пришлось краснеть потом... Если предчувствия Мишу не обманули, у «Прайм-ТВ» наклеывался именно сценарий по его профилю.

Почти угадал.

Глава 3

И целого мира мало

Сцена 2.10

«КАЗАРМА»

Инт.

Актеры: Кононенко, Петров, Баранов.

Масовка: раненый солдат.

Реквизит: пирамиды для автоматов, металл. шкаф с автоматными магазинами, пачки с патронами – 20.

– Большое-большое документальное кино про Южную Осетию, – сказал генеральный. Миша внутренне усмехнулся: надо же, какой я телепат. Буквально час назад вспоминал «восемь-восемь-восемь».

– Большое-большое, – повторил генеральный. – Заказ от федерального канала к годовщине войны. Значит, съемки на местности и реконструкция событий – танки там, хуянки... Куча боевых эпизодов, одна только оборона лагеря миротворцев чего стоит, твой друган Пиротехник уже прыгает от возбуждения... Масштаб сам представляешь. Группа больше пятидесяти человек. Ты не мог бы с ними съездить и сделать так, чтобы их там не перестреляли к чертовой матери?

«Запросто!» – чуть не вырвалось у Миши. Он не просто «мог бы», он хотел вырваться из Москвы, тем более – на Кавказ в начале лета, когда все расцвело и красота неопишуемая куда ни глянь. Его туда еще дед возил, и цветущие предгорья остались для Миши одним из сильнейших детских впечатлений. За последние годы он основательно объездил кавказский регион, изучил особенности тамошнего менталитета и тонкости общения – и чувствовал себя вполне уверенно. Правда, в Южной Осетии он еще не бывал – тем больше ему туда захотелось. Ведь там Мишу ждет много новых интересных людей.

Но вместо того чтобы радостно подпрыгнуть, он деловито поинтересовался:

– И только?..

На всяких бибисях это стандартная практика: если журналист едет в Сьерра-Леоне, Либерию или похожую точку, у него есть сопровождающий, как правило из бывших спецназовцев, который просто репортера прикрывает. То есть, когда начинается пальба, он тупо роняет своего клиента мордой вниз, чтобы в морду случайно не прилетело.

Но у нас-то здоровенная группа, которая будет весело кататься по Южной Осетии на танках и все кругом взрывать со страшным грохотом!

При таком раскладе функции сопровождающего совсем другие. Он отвечает за технику безопасности в целом и «связи с общественностью» тоже целиком и полностью. Чтобы группу не «перестреляли к чертовой матери», надо, конечно, шпынять и пасти ее – ничего, дело привычное. А вот чтобы группе дали нормально снимать, тут-то и придется основательно попотеть. Ты должен будешь договариваться. Круглосуточно. С местными силовиками, с нашими военными, да вообще со всеми, кто может помочь или помешать работе. А еще помочь помешать или помешать помочь и так далее.

Потому что ты единственный, кто умеет говорить с такими людьми на их языке.

И когда группа увидит, что у тебя это получается, сюжет может сделать внезапный поворот. Ты вдруг узнаешь, что задачи сопровождающего трактуются удивительно широко. Даже шире, чем у тебя хватает рук. Оглянуться не успеешь, а ты уже ответственный за всё. Потому что, допустим, режиссер нахамил местным, и его послали на хер, а директор высокомерно не выпил с местными, и его тоже послали на хер, а оператор не туда повернул камеру, и местные

подбили камере глаз. А военные забыли дать, что обещали, или не смогли дать, или внезапно дали – но только в морду, потому что их вчера некрасиво показали по телевизору. И работа встала, а время уходит. И ты давай разруливай, на тебя вся надежда, а не справишься – будешь крайним!

И в один прекрасный день, оказавшись-таки действительно крайним, во всем виноватым, некомпетентным негодяем, из-за которого группа не может снимать кино (а то бы она о-го-го!), ты подумаешь: ну какого лешего я так обрадовался, когда услышал про Пиротехника и «танки-хуянки»?..

– Нет, я серьезно, – сказал Миша. – Что делать-то надо?

– Ну ты спросил! – генеральный усмехнулся. – Ладно, объясняю по пунктам. Во-первых, ты проследи, чтобы им там головы не поотрывали. Во-вторых, сделай так, чтобы они сами на свои жопы не нарвали пачку неприятностей. Ну и, может, заодно проконсультируешь. А то мало ли... Я лично сомневаюсь, что они знают, каким концом ВОГ² в подствольник загоняется...

Генеральный-то знал. В этом смысле с ним было легко.

– В общем, ничего сверхъестественного от тебя не требуется, – заключил генеральный. – Все как обычно...

«Как обычно» значило именно то, о чем Миша подумал. Ему предстоит страховать всех от любых неожиданностей. Нет, раньше он справлялся, но любая фигня когда-нибудь случается в первый раз. А с ним еще далеко не всякая фигня успела случиться. Увлекательная перспектива для молодого профессионала. Что же я за тип такой, подумал Миша, если мне все это нравится?..

– То есть как всегда, – он постарался состроить унылую физиономию.

– В этот раз совсем другой уровень, – утешили его.

Несколько минут они обсуждали финансовую сторону вопроса и статус Миши в группе – оформляли его обтекаемо «консультантом», – и тут потенциальный консультант встрепенулся:

– Кстати! Об уровне. У тебя договоренности уже какие-нибудь есть?

– Да ты что! У нас все схвачено, – генеральный показал, как крепко схвачено. – Нас курирует статс-секретарь Министерства обороны.

– погоди. Статс-секретарь это хорошо, а договоренности-то у тебя какие?

Генеральный пару раз моргнул. Заглянул в бумажку на столе.

– Ну... Вас на четвертой военной базе примут, всем необходимым обеспечат, все покажут, а вообще... А вообще – ты на месте договоришься. Я думаю, мы так сделаем: ты съездишь на разведку на пару дней, посмотришь, что к чему, а потом уже нормально выдвинешься со всей группой.

Миша еще немного погрустил для вящей солидности, а потом спросил:

– Когда выезжать?

* * *

Кто имел дело с телевидением, тот знает, что там никогда ничего по графику не готово, и если съемки в студии вдруг начались за минуту до намеченного времени – об этом невероятном событии потом рассказывают много лет. Типа, и такое случается.

«Прайм-ТВ» очень хотело все сделать по графику, но сначала не было денег, потом основные силы отвлеклись на важное срочное задание, потом еще чего-то не хватило. Оставалось лишь твердое обещание, что работать – будем. Не можем не работать: заказ федерального канала, как мы его провалим?.. В середине мая Миша уже откровенно занервничал.

² Выстрел осколочный гранатометный.

Тем более что очертания фильма наконец-то вырисовались, предварительный сценарий лежал у генерального на столе. Проект намечался амбициозный, красивый, дальше некуда. Одно «но»: Мише все чаще казалось, что нехорошие предчувствия, одолевшие его на первой встрече с генеральным, были неспроста. И высокая честь обеспечить самую-самую красоту выпадет именно ему.

Нет, Миша не боялся серьезных задач, даже по-своему любил их, не стеснялся замахиваться на большое. Решать трудные вопросы – это тоже способ узнавать новое о людях, открывать что-то в них и в себе. Но чем крупнее проблема, тем конкретнее надо готовиться, проясняя каждую мелочь. А тут нарисовали, понимаешь, «Войну и мир» на коленке... Очень интересно. Только какими средствами мы ее изобразим, эту войну?

Докудрама – вот как это называется. Документальное кино с элементами художественного. Никакой отсебятины: просто эпизоды, которые не были засняты в момент события (потому что событие представляло собой, мягко говоря, месиво и крошево), воссоздаются по рассказам участников и встраиваются в документальный фильм. Поскольку фильм у нас про боевые действия, Мише предстояло устроить небольшую, но правдоподобную войнушку в городе Цхинвале и его окрестностях.

На словах это делалось легко: «военные все дадут». Но слова звучали в Москве, а технику и боеприпасы надо было получить на Кавказе. Это здесь «телекомпания» просто термин, а в воинской части, засевавшей среди гор, на него могут отозваться как на матерное слово. Скажут: «А-а, ты у нас, значит, журналист...» и попросят удалиться. Зная, сколь многое зависит от сиюминутного настроения отдельно взятого товарища полковника, Миша призадумался.

И Пиротехник, вопреки обещанию генерального, вовсе не прыгал от восторга. Пока фильм обсуждался на словах, он, может, и проявил энтузиазм, но как дошло до конкретики – прямо растерялся. Для него лаконичное «выстрелы, взрывы» в сценарии означало весомые килограммы. А выстрелов и взрывов намечалось видимо-невидимо.

– Слушай, а чего мы делать будем? – спросил он Мишу. – Я из Москвы это все туда не попру. Во-первых, это для студии экономически невыгодно и мне не разрешат, а во-вторых... У меня столько нету! Ну физически столько нету.

Миша взял Пиротехника под руку и повел его к генеральному.

Тот оторвался от телефона и сказал:

– Не ссыте, у нас же есть распоряжение статс-секретаря Министерства обороны. Вам все дадут.

– Кто даст?

– Четвертая военная база. Ребята, не мешайте, у меня разговор...

Миша с Пиротехником переглянулись и убрались восвояси. Сели, почесали в затылках, взяли по листочку и начали считать.

«Встроить» в докудразу предстояло о-го-го сколько всего. Борьба с танками на улицах Цхинвала, оборона лагеря российских миротворцев, расстрел грузинскими бэтээрами гражданских машин на Зарской дороге – это был самый минимум, без которого вообще можно не дергаться. А если по максимуму, то есть по сценарию... Когда Миша набросал список того, что потребуется, у него прямо душа запела. В списке значились вертолеты Ми-8 АМТШ, танки Т-72 разных модификаций, бээмпэхи, самоходки, трофейная техника, начиная от «Хаммеров» и заканчивая «Кобрами», ну и стрелковое оружие в товарном количестве. Миша исходил из того, что, если у «Прайм-ТВ» действительно серьезные договоренности наверху, он им сделает не фильм, а конфетку.

Отдельным пунктом списка шла армейская пиротехника, тоже в объемах, радующих глаз. Это было не менее важно, чем танки, потому что экономило время, нервы и обеспечивало дополнительную безопасность. Миша очень рассчитывал, что ему не придется доставать взрывчатку неизвестно где – и Пиротехнику долго с ней ковыряться, – а у них будут штатные

армейские имитаторы разрыва артиллерийских снарядов. Закопал шутовину, размотал провод, нажал кнопку – бабах! – красота.

Миша положил список на стол генеральному и молча ткнул пальцем в потолок.

– Отправлю сегодня же, – пообещал генеральный, подгребая бумажку к себе. – И чего вы все такие нервные?.. Ага, вертолеты, правильно... Будут тебе вертолеты. Ты пойми, Миш, вояки сами в этом заинтересованы. Я бы не говорил, если бы не знал. Они читали сценарий, и он им нравится...

Приближался конец мая.

Глава 4

Лицензия на убийство

Сцена 2.6

«МИНОМЕТНАЯ БАТАРЕЯ»

Экст.

Массовка: солдаты, раненые.

Военная техника: минометы.

Пиротехника: взрывы.

И опять его разбудил телефон.

– Да что ж такое... – простонал Миша. – Милая, извини, я же не нарочно. Вот ведь им неймется с утра пораньше...

Ему не ответили. Миша оглянулся, увидел скомканное одеяло, сел на кровати. Было уже почти десять, голова слегка гудела. Вчера с Ваней и его «актерами» решили снять нервное напряжение, и он малость перестарался. А потом еще сидел ночью на кухне за ноутбуком, читал тот самый синопсис и проклинал себя за бездарность.

Телефон утих, номер оказался незнакомым. Миша вздохнул и поплелся в ванную. Умыться холодной водичкой, чтобы проснуться, сделать зарядку... Бегать он сегодня не будет, нет уж.

В ванной он машинально закрыл колпачок на зубной пасте и уставился в зеркало. Обычно Миша себя особо не разглядывал, но с похмелья мало ли что придет в голову молодому человеку.

Молодому?.. Из зеркала смотрела немного опухшая, но совсем еще не старая физиономия. Черты лица правильные, морда добрая, даже симпатичная, но... Несерьезная, что ли. Миша поморщился. Ему хотелось казаться посуровее, а не каким-то вечным недопеском. Рост метр восемьдесят шесть и здоровенные бицепсы тут ничего не значат. Люди-то в глаза заглядывают. А глаза распахнутые, и не прочтешь по ним, сколько они всякого повидали.

Он понимал, конечно, что в этой открытости и легкой несерьезности кроется обаяние, из-за которого люди тебе верят, идут на контакт, а ты, главное, их потом не обманывай, и они добро запомнят. Но все равно Джеймс Бонд – красавец, а ты – недоразумение...

От холодной воды стало полегче. Надо заработать на кондиционер, думал Миша, лето еще толком не началось, а дышать уже нечем. Вот смогаюсь в Осетию, как раз и заработаю... Пора ехать. Да поскорее, а то эта, трам-тарарам, докудрама начинает уже напрягать. С каждым днем все ближе к драме... Не через неделю, как договорились, а буквально на днях надо выдвигаться, чтобы был хоть небольшой запас на решение вопросов.

А то получится, как вчера: с разбега лбом об стену.

Они потому и надрались с Ваней – не зная, смеяться или плакать, так осточертело это все.

Снимали полный метр, якобы комедию. Задача: группа «тяжелых»³ вламывается – да-да, опять вламывается – через дверь, и дальше все по привычной схеме. Ничего смешного.

В павильоне группу ждала декорация многокомнатной квартиры. Декорация, как обычно, была построена из фундусных щитов и, местами, гипсокартона, но та стена, где

³ Спецназ в штурмовом обмундировании. Тяжелый бронежилет (от 10 кг), шлем с забралом (около 4), щит БЗТ-75 (8 – 11 кг) или «Забор» (около 50 кг) плюс оружие, боекомплект, наколенники, штурмовые перчатки (иногда с вкладышами из чего-нибудь увесистого) и сами бойцы. Обычно в штурмовых группах людей легче 85–90 кг не бывает, а верхняя планка не ограничена. То есть «тяжелые» – действительно тяжелые. В частности, поэтому они обходятся без специальных устройств наподобие кувалд при выбивании дверей.

дверь, оказалась из пеноблоков, уложенных крестом, да еще и на приличном растворе. Обычно на съемках, если нужно имитировать стальную дверь, берут простую филенку и обшивают жестью. Тут стояла настоящая стальная дверь, в нормальной дверной коробке, добротной посаженная в пеноблоки. «Актеры» недоумевающе шушукались.

– Спорим, это вообще не их декорация, – догадался кто-то. – Чужую доламывают.

Ишь, насобачились, подумал Миша с затаенной гордостью за ребят.

Нарисовался местный пиротехник:

– Мужики, все будет зашибись. Я чуток подорву ее по периметру, дальше плюнете – она сама упадет.

Бойцы переглянулись и промолчали. Они, кроме шуток, были людьми опытными в кино и знали: такие громкие заявления можно принимать на веру, когда пиротехника зовут Пиротехник. Тот все-таки начинал свою кинокарьеру в Афганистане, сапером спецназа ГРУ, они там сбацили блокбастер, если кто помнит... Когда Пиротехник обещает, что «само упадет», значит, упадет. В остальных случаях лучше перебдеть и рассчитывать на худшее.

Шестеро в тяжелой броне встали перед дверью на пяточке, имитирующем лестничную площадку. Первые двое, включая Мишу, – с бронещитами. Впереди около двери застыл пиротехник, слева в уголке прижался его помощник с порошковым огнетушителем в руках – это они, хитрецы, вместо дыммашины обойтись задумали.

Приготовились. Начали!

Подозревая, что сейчас можно ждать чего угодно, Миша на всякий случай опустил забрало и спрятал лицо за щит. Но вместо ожидаемого бабаха раздался непонятный «бдыщ». И длинное «пфш-ш-ш» – помощник хорошо нажал на рычаг огнетушителя. Щедро.

Видимость – ноль, дико воняет сработавшим огнетушителем, но команда «штурм!» есть. Первый ряд в два щита и два тела, весом суммарно больше двухсот двадцати килограммов, с разбега врubilся в дверь и...

И ничего! Дверь даже не пошатнулась.

Чувствуя себя полным идиотом, Миша отскочил назад, и они с напарником пошли на вторую попытку – а что еще делать? Бац! Бац!

Потом, когда все закончилось, Миша подумал: он бы дорого дал, чтобы увидеть это со стороны. И тут же понял: не разглядел бы ничего! А какая картина... Площадку окончательно заволочило вонючим дымом, вторые номера стоят, ожидая команды, съемочная группа просто не понимает, что творится. А первый ряд с упорством, достойным лучшего применения, методично бросается на дверь. Ведь «отбой!», то есть «стоп!», никто не крикнул!

Потому что обалдели все.

Пять... шесть... считал Миша про себя, кидаясь вперед. Он ничего не соображал – его, как и остальных, кто был в павильоне, заклинило.

После девятого удара раздался хруст, и упала... стена. Дверь, дверная коробка, пеноблоки на растворе – рухнуло все!

Из облака пыли, порошка и дыма с рычанием и матом в коридор декорации ввалилась озверевшая группа спецназа...

На улице, когда «актеры» выползли из павильона, киношники застыли в немом оцепенении. Группа выглядела иллюстрацией к анекдоту «обсыпьте его мелом и принесите мою булаву». При каждом движении вокруг бойцов разлетались облачка пыли, на асфальте оставались белые следы.

Что самое удивительное – материал был снят...

Дзынь! Дзынь! Высветился все тот же незнакомый абонент.

– Михаил? Здравствуйте, мне посоветовал к вам обратиться имярек. Нам на съемку нужен ОМОН, десять человек.

Голос в трубке был женский. Молодой, веселый.

– И вам не хворать, – сипло ответил Миша. – Вы наши условия работы знаете?

– Да, нас все устраивает, мы обо всем в курсе.

– Хорошо, вам когда это нужно, какая форма, какая снаряга, что с оружием? Стреляем, не стреляем, и вообще, что делать надо в кадре?

– Насчет формы не волнуйтесь, мы все подготовили, нужно оружие без стрельбы, бронежилеты не нужны, ну, эти сапоги ваши и маски обязательно...

– Сапоги... Сапоги? А-а, берцы. Шлемы нужны?

– Ну да, берцы. Нет, шлемы не нужны.

– Понял. Ну так когда это все и какой фильм?

Услышав дату, Миша прикинул так и сяк, понял, что сам поучаствовать уже вряд ли успеет, и вдруг подумал: оно и к лучшему. Без него обойдутся, а то вдруг снова двери выбивать. Или, например, он невезучий стал и ребятам несчастье приносит. И в этот раз мало того что опять дверь, так она вообще не упадет.

Фильм оказался раскрученным проектом на федеральном канале. Весьма неплохо, весьма.

– Хорошо, если форма будет вашей, то запишите размеры, чтобы комплекты сформировать.

– Нет, не надо, мы форму уже всю подготовили.

Миша слегка напрягся. Формулировка показалась ему как минимум странной.

– Сударыня, а вы уверены, что не возникнет проблем с формой? У нас народ, в общем, разнокалиберный как по росту, так и по весу.

– Нет-нет, все будет хорошо, вашей формой будут камуфляжные топики и стринги!

Сначала Миша потерял дар речи.

Потом нервно хихикнул.

И наконец дико заржал.

У Вани в команде был боец по прозвищу Кингконг. Не потому что очень большой, а по причине густого оволосения тела. И Миша вдруг представил себе мохнатого Кингконга – в берцах, камуфляжных стрингах, топике и маске...

Барышня решила, наверное, что ее угорадило позвонить ненормальному, который до этого момента просто сдерживался. На все ее последующие реплики Миша отвечал в основном хрюканьем и гыгыканьем. Даже «извините, нет» прозвучало как-то невнятно.

Барышня, кажется, обиделась, но Мише было все равно.

Отдышавшись, он позвонил в «Прайм-ТВ» и сказал:

– Я заеду сегодня? Надо обсудить кое-что.

Остаться в этом бедламе он больше просто не мог.

* * *

По дороге его вызвонил тот самый имярек, что дал барышне наводку, и принялся извиняться.

– Да не знал я, на хрена вы ей нужны! Она у меня просто ОМОН попросила!

Мише повезло: он заметил свободное место у обочины, приткнул туда машину и нахотался до слез. А то бы врезался.

К генеральному он вошел уже спокойный и с порога озадачил вопросом, который надо было задать гораздо раньше:

– А вы с южной стороной согласовали хоть чего-нибудь?

С генеральным сделалось то, что в народе зовут «квадратные глаза».

– А зачем?!

Миша выразительно промолчал.

- Нас же курирует статс-секретарь. Он им сказал.
- Кому «им»? Южная Осетия вообще-то иностранное государство.

Несколько секунд генеральному понадобилось на осмысление этой сногшибательной новости. Потом он буркнул:

- А действительно.

Поглядел в окно, поглядел в телефон, вытер экран телефона о рукав пиджака и сообщил:

- Это ты интересно придумал.
- Это не я, – на всякий случай пояснил Миша. – Они сами.
- Ну, ты понял, – генеральный невесело хмыкнул.

И посмотрел на Мишу: давай излагай, ты же знаешь, что делать.

Миша знал.

– Предлагаю вот как. Я с ресёрчером⁴ туда выезжаю послезавтра. У меня будет неделя на то, чтобы понять, что к чему и почему, а после этого уже по отмашке присылайте всех остальных.

- Еще директора возьмете, – сказал генеральный.
- А действительно, – согласился Миша.
- Кстати... Список твой ушел в Минобороны, возражений не последовало.
- Ну, будем надеяться... Должно же у нас хоть что-то быть в порядке!
- Все, даю команду, чтобы занялись отправкой, – генеральный протянул руку.

Миша ее пожал и помчался работать.

Что ж, он был готов к проблемам – и проблемы нашли его. Теперь их надо было решать, и быстро. К утру у него появилось странное жжение в ушах. Сначала он удивился, потом сообразил, что просто натер их телефоном, пока ставил на уши всех знакомых: мужики, дайте контакт на Южную Осетию, у кого чего есть. Как говорится, с миру по нитке – шахиду на взрывчатку.

«Контактами» оказались начальник штаба 58-й армии и один из югоосетинских кагэбэшников. Совсем неплохо для начала.

Утром ему позвонил генеральный и осчастливил:

- Я тут подумал – мы тебя переоформим. Будешь директором!
- Ну, щас! – сказал Миша. – Приплыли!

– погоди, ты не понял. Директор останется прежний, будет решать свои задачи – размещение, кормежка, транспорт... Я просто что-то забеспокоился после вчерашнего. Вдруг тебе придется там пальцы гнуть, а по документам ты у нас – кто? Конь в пальто. А «директор съёмочной группы» – это все-таки звучит. И в целом понятнее для военных, да?

Миша хотел объяснить, что военным слово «директор» внушает уважение, когда за ним следует окончание «мясокомбинат», «спиртзавод» или «завод строительных изделий»... Но было уже не до шуток. И генеральный, в общем, ориентировался правильно.

- А давай, – решил Миша.

Он перевернулся на другой бок и сказал:

- Это больше не повторится, честное слово.

– Что не повторится? – Лена протянула руку и погладила его по щеке. – Я же не против. Если ты не будешь иногда уезжать, то в Москве закиснешь, я ведь вижу...

– Спасибо... Я про телефон. Выключу этот проклятый звонок. Оставлю «вибру», пускай дрыгается под подушкой, чтобы тебя не будил.

- А если позвонят по важному делу?

⁴ Здесь: журналист, редактор, задача которого – привести предварительный вариант сценария в соответствие с тем, что группа реально сможет сделать. Обычно для этого ресёрчер осматривается на местности до приезда группы, оценивает шансы отснять запланированные сцены, «добирает» недостающий материал.

– Я проснусь, не волнуйся. Если дело и правда важное – достучатся. Вот как вернусь из Цхинвала – первым делом выключу... Правда ничего, что я еду? Почти месяц...

– Поезжай – и возвращайся, – сказала Лена. – Вернешься – нам с тобой надо будет как следует поговорить. Обо всем.

Глядела она ласково, по-доброму, вроде беспокоиться не о чем, но Миша серьезные разговоры откладывать не любил.

– Давай сейчас.

– Не-а.

– Ты меня пугаешь.

– Ну, отлично, бойся!

– Мне нельзя бояться. У меня впереди кавказское гостеприимство, армейский идиотизм и телевизионный бардак – много и сразу. Они терпеть не могут трусливых и едят их на завтрак. Если я приеду заранее напуганный, они это почуют, набросятся со всех сторон и растерзают меня.

– Тогда не бойся, – сказала Лена. – Поезжай и не думай ни о чем. Нет, не так. Думай о том, что у тебя в тылу все надежно. Понял? Веришь?

– Верю.

Он потянулся ее поцеловать – и все куда-то исчезло: жаркая Москва, шибко деловой генеральный, далекий Цхинвал, четвертая военная база, на которой заждались танки-хуянки...

– Пока тебя не будет – может, обои тут переклею... – успела сказать Лена.

Это просто праздник какой-то, успел подумать он.

Часть II

Никогда не говори «никогда»

Республика Южная Осетия, июнь 2009 г.

Глава 1

И небеса падут

Сцена 2.4.

Горный пейзаж.

Нат.

Пиротехника: взрывы, стрельба.

Они вышли из самолета в Беслане и сразу надели темные очки. Солнце шпарило вовсю, было почти тридцать градусов в тени. После московской духоты местная жара показалась терпимой: воздух горячий, но все-таки им можно дышать. Так Миша думал вплоть до момента, пока они с ресёрчером и директором не сели в «Газель». Через пять минут Миша сказал себе, что дальше-то будет еще жарче, – и этим утешился.

В Алагире «Газель» вырулила на Транскавказскую магистраль – местную «дорогу жизни», единственную трассу, которая связывает напрямую Северную Осетию с Южной. Шоссе оказалось четырехполосным, в приличном состоянии, ресёрчер удивленно хмыкнул.

– Чего?.. – спросил Миша.

– Я на той неделе ездил в Новгород. Федеральная трасса М10, чтоб ее... Вся кривая, вся разбитая. А какие там ямы на объезде Торжка... А что под самим Новгородом творится... И это дорога между двумя столицами!

– Э-э! – сказал водитель. – Погоди-погоди! Будут тебе ямы. Не хуже, чем в России! Даже лучше!

И заразительно рассмеялся.

Минут пять они весело катились по равнине, и вдруг рельеф изменился. Прямо на глазах долина реки Ардон превратилась в ущелье с отвесными скалами. Дорога сузилась.

– Ого...

Из скалы над входом в ущелье рвался вперед и ввысь стальной всадник. Огромная фигура святого Георгия взлетала над трассой. Водитель остановил машину и, ни слова не говоря, направился к скале.

– Чего он?..

– Видишь чашу? Туда надо денежку бросить, чтобы дорога легкая была. Наш водила – правильный осетин. Если совсем правильный, тогда он еще перед выездом помолился Уастырджи, покровителю всех путешественников...

Ресёрчер поглядел на Мишу с уважением. Директор вздохнул. Его, похоже, не радовала перспектива общения с суеверным народом, который совершает жертвоприношение, чтобы проехать всего-то сто тридцать километров. Таким людям слишком легко наступить на любимую мозоль – просто случайно.

А директору с ними работать и работать.

Миша не стал объяснять, что езда по Транскаму – дело серьезное и лишний раз помолиться для успокоения нервов бывает полезно. Сейчас дорога себя покажет сама. Красивая дорога.

После памятника шоссе начало петлять по лесистым склонам, иногда ныряя в тоннели. Короткие выглядели странно, даже пугающе: будто строители только что прорубили эти дырки в скалах и ушли отдыхать, завтра доделают. Каменные стены, каменный потолок – ничего больше, ни намек на какое-то усиление кровли. В тоннелях подлиннее все было солидно укреплено, и там с непривычки казалось как-то спокойнее.

Поселок Мизур заставил сказать «ого!» не только ресёрчера, которому положено по работе все видеть и всему удивляться, но и флегматичного директора. К этому моменту шоссе совсем зажалось между скал, и высокой растительности на горах стало заметно меньше – лишь местами попадались кусты можжевельника, барбариса да редкая облепиха. И вдруг «Газель» въехала в странный городок, растянутый вдоль дороги: типовые девятиэтажки в один ряд, а сразу за ними каменный склон уходит резко вверх. Как будто от полноценного города отрезали полмикрорайона и воткнули сюда.

– А стена зачем? – спросил ресёрчер.

Дорогу отделял от домов пятиметровый шумозащитный забор. «Газель» сейчас ехала в узком каньоне: с одной стороны эта зеленая стенка (за ней дома, за ними скалы), с другой – узкая бурная река и тоже скалы.

– Думали, что Транскам будет шуметь днем и ночью, – объяснил Миша.

– Тут серебро и цинк добывали, – сказал водитель. – Тут шахтеры были. Денег было много, людей было много. А теперь – э-эх...

Да, подумал Миша, тут всего «было много». Если закрыть глаза, можно представить, как это выглядело... Транскам не гудит, конечно, но довольно оживлен. То и дело притормаживают автобусы – мимо поселка транзитом идут экскурсии. На улицах много молодежи, это студенты-практиканты. Лица у студентов очень разные, попадаются даже черные. Местные бабушки от негров шарахаются. Много детей. И, конечно, сами шахтеры – высшая каста, сильные и гордые люди с огромной по советским меркам зарплатой. Красивые новые дома. В магазине на полках загляденье – спецнабжение по высшей категории. Жизнь такая, о какой в русской советской глубинке и мечтать нельзя. Это все здесь было... А потом месторождение исчерпалось – и кирдык... Миша открыл глаза.

Шумная раскаленная «Газель», палящая жара за бортом, извилистая дорога, голые скалы вокруг. С гор исчезли не только редкие кустики, теперь время от времени пропадала даже трава. Вместо зеленого ковра с яркими пятнами цветов – суровый обнаженный камень.

– Отсюда дорога становится лавиноопасной, – сказал он ресёрчеру.

Подумал и на всякий случай добавил:

– Зимой.

– Э-э! – водитель криво усмехнулся. – Летом тоже камни падают.

– Ты мне людей не пугай, – сказал Миша строго.

– Зимой на неделю закрывают, на две закрывают, а летом только камни падают! – поправился водитель. – Красивая дорога, да?

– Красивая, – согласился Миша.

– У вас таких нет, – гордо сообщил водитель.

Пройти российскую таможню и пограничный контроль – занятие долгое, мучительное, а по такой погоде еще и потное. Зато границу Республики Южная Осетия они проскочили, едва заметив, с веселым свистом. В открытые окна машины снова дунул ветерок, настроение резко поднялось.

От границы до северного портала Рокского тоннеля было метров двести, ну, двести пятьдесят. Над его черным зевом красовалась перетяжка с надписью: «Добро пожаловать на древнюю землю Алан!»: Миша только поднял глаза, чтобы все это прочитать, и тут...

ХРЯСЬ!!!

После такого удара в переднюю подвеску некоторые машины гибнут на месте, но «Газель» выдержала.

– Это они нарочно, что ли? – донеслось с заднего сиденья. – Чтобы каждый сразу понял – приехали?..

– Э-э! Ты помнишь, я же обещал! – сказал водитель и захохотал.

Миша на всякий случай уселся попрочнее и старался не глазеть по сторонам. И не болтать. А то и язык прикусить недолго. Асфальт в тоннеле после прохода по нему в том августе 58-й армии никто не ремонтировал, а учитывая, сколько тут побывало тяжелой гусеничной техники...

В узкой кишке тоннеля оказалось темно – раньше тут был свет, но теперь то ли развалился, то ли кончился. Перед «Газелью» плясало желтое пятно. То ныряя, то чуть задирая нос, машина выкусывала фарами из темноты немного жизненного пространства, а потом вкатывалась в него. И так раз за разом. Ехать оказалось не страшно и не интересно, а просто скучно – ну когда уже кончатся эти три километра шестьсот шестьдесят метров... Минут через пять Миша начал напряженно всматриваться: он знал, что вот-вот должна показаться впереди ослепительно-яркая точка выхода.

Выхода не было.

Ночь там, что ли, на той стороне, подумал он. Почему такая тьма впереди? Точно ночь! А чего, «южане» теперь самостийные – кто их еще признал, кроме нас, вроде бы Науру? Вот они и перевели стрелки на это... Наурийское время!

И тут машина прямо из тоннеля въехала в стену дождя.

– Ё-моё... – только и сказал Миша.

Через секунду их совсем залило, хоть езжай по приборам, но запечатлеть в памяти картинку он успел. Это был какой-то другой мир. Справа – отвесная скала. Слева – обрыв. Над обрывом в танковом окопе уютно пристроилась – Миша с трудом поверил глазам – настоящая БМП-3, стволом на юг. 58-я армия воевала черт-те чем, а тут – новейшая военная техника окопалась, и шикарная у нее позиция, однако... Вниз уходил причудливо закрученный серпантин, весь как на ладони. А сверху било ключом, да по голове, то есть по крыше «Газели». До звона.

Южная Осетия встречала московских гостей обломным ливнем. Древняя земля Алан была серой и мокрой. Вода хлестала с неба, текла вниз по скалам. Иногда в потоках случались короткие разрывы, и сквозь них проглядывали далекие горы, у подножия которых будто прошла газовая атака – это туман в низинах казался черным. А потом все опять застилала вода.

Зато не сказать чтобы тут было душно. К моменту, когда они въехали в Цхинвал, стало даже прохладно. Дождь чуть-чуть ослаб, и сквозь запотевающие стекла, если потереть рукавом, удавалось хоть как-то разглядеть город.

Первое впечатление было жуткое. Город выглядел не разбитым, не разрушенным, нет... Безнадёжно испорченным. Сплошные дыры в асфальте и дыры в стенах. Раскрошенные дороги и простреленные дома. А по улице медленно брели мокрые и пришибленные люди.

Победители.

Где я это уже видел? – подумал Миша. В Грозном! Было то же самое: ливень, серая хмарь, убитый город и зомби на улицах. Я надеялся, что дождь пройдет, и картинка изменится, но все осталось как было.

Неужели и здесь то же самое... Неужели все было впустую?

«Газель» то петляла, то ползла, тяжело переваливаясь на колдобинах, ей навстречу так же трудно пробирались редкие местные машины – раздавленные жизнью «Жигули» с перекошенными мордами и отвисшими багажниками.

С заднего сиденья доносилось убитое молчание. Оно толкалось в затылок, но Миша не хотел оборачиваться. Что он мог сказать ресёрчеру – да, понимаю, ты это тоже видел в Грозном, а чего ты хотел, война всегда одинакова?..

– Гостиница «Алан»! – провозгласил водитель. – Э-э, гляди, первый этаж уже совсем починили!

Машина остановилась, скрипя всеми членами – похоже, и ее здесь доконало. Миша открыл дверь, но не двинулся с места. Ему не хотелось глядеть на полуразрушенную гостиницу. Ему нужно было несколько секунд, чтобы собраться с духом. Просто сказать себе: хватит рефлексировать, пора работать. Тогда он бодро выпрыгнет наружу и бодро начнет действовать. Вдох-выдох...

И тут кончился дождь.

Глава 2

Квант милосердия

Сцена 9.3

«УЛИЦА У ДОМА»

Экст.

Массовка: грузинская пехота – 20.

Военная техника: танки (грузин.).

– Не понимаю, – сказал ресёрчер. – Наблюдатели, которые тут были в прошлом году и не сумели найти следов массовых разрушений... Я сейчас вижу эти следы – по крышам. Прямо отсюда вижу...

Они стояли на холме над городом и смотрели вниз. Действительно, отсюда были прекрасно заметны следы массовых разрушений – яркие малиновые пятна новых крыш. Весь город был в таких отметинах. Эти крыши по-быстрому нахлобучили на те дома, которые пострадали меньше всего. Чтобы пережить в них зиму, а там видно будет.

А вокруг города все цело – розовым, красным, голубым, синим по зеленому, – тут бы не про войну, а про любовь кино делать. Если, конечно, не обращать внимания на характерные раны в стволах деревьев. Если не думать о том, что каждый ерундовый кустик, такой красивый, буйно радующийся жизни, может скрывать под собой взрывоопасную железяку.

Голова кружилась от запахов кавказского лета, хотелось присесть где-нибудь у воды, а потом шумно упасть в нее, но это желание мигом отбила табличка: «Внимание! В связи с тем, что на дне городского озера находятся неразорвавшиеся снаряды, купание строго запрещено!»

Привела в чувство. Напомнила, где ты.

– Либо наблюдатели до города не доехали, либо... Что-то другое, – сказал Миша.

– Не понимаю, – повторил ресёрчер. – Они здесь были!

– Да ну тебя. Не травми душу.

Миша очень старался не думать плохо о международных наблюдателях – просто из принципа, ну ведь не все люди сволочи. Ему уже рассказали, как вели себя тут цивилизованные европейцы. Восьмого августа, когда начался второй обстрел города, в ворота цхинвальской миссии ОБСЕ, располагавшейся в частном доме, постучали женщины с детьми. Подвал здания миссии, в отличие от соседних домов, был сделан весьма прочно и был достаточно глубоким. Женщины просили спрятать в подвале хотя бы только детей.

К людям вышел глава офиса Гржегоржи Михальский.

«Это миссия ОБСЕ, а не бомбоубежище, пошли вон...» – сказал гордый лях и захлопнул ворота...

Он считал, наверное, что грузины вот-вот заглянут в гости. А хрен ему. Цхинвал выстоял. Хотя досталось городу по полной. Развалины и пепелища встречались тут повсюду. И уцелевшие дома можно было считать таковыми лишь условно. Миша не видел еще ни одной девятиэтажки, на верхних этажах которой не было пробоин от снарядов. Вообще ни одной, он уже нарочно искал: все оказались дырявые... Точно в центре Цхинвала, на углу улиц Сталина и Пушкина (добро пожаловать на Кавказ), стоял самый престижный дом города, в котором жила местная верхушка еще с советских времен, – теперь его украшали обугленные окна и характерные дыры. Старинный «еврейский квартал» оказался уничтожен системами залпового огня полностью: одни стены и больше ничего... Свежеотремонтированное здание Юго-Осетинского университета (ремонт закончили как раз в мае прошлого года) второй раз уже не починишь – оно практически не существует. На том, что от него осталось, сохранилась надпись «медсан-

бат» и стрелочка, указывающая направление. Здание парламента тоже в состоянии нестояния. И так везде.

Если какой-то наблюдатель этого не наблюдал – бог ему судья.

Но самое тягостное впечатление на Мишу произвели не разбитые гражданские здания, а казарма российского миротворческого батальона. Он еще не подобрался к ней вплотную – для этого нужно было особое разрешение, – но издала посмотрел и только головой покачал. Первое, что вспомнилось, – фотография «Дома Павлова» в Сталинграде. Грузинские танкисты, чей маршрут лежал как раз по дороге мимо казармы, считали за честь довернуть башню – и жажнуть. Чтобы знали русские оккупанты, с кем имеют дело.

Иногда грузины промахивались – и тогда прилетало в мирные жилые пятиэтажки по соседству.

Осетины в долгу не остались: так называемый «грузинский анклав» – села Тамарешени, Эредви и Курта, которые стояли на дороге между Гуфтой и Цхинвалом, – были, что называется, «зачищены до дыр». Все дома без исключения либо взорваны, либо сожжены. Жутковатая картина: пепелища и вокруг – цветущие сады. На вопрос, зачем уничтожать вполне приличное жилье, ответ Мише дали простой: «А чтобы этим пидорасам возвращаться было некуда...»

Наверное, глядя откуда-нибудь издала, допустим, из Лондона, можно было и осудить местных за такие дикарские выходки. Только осуждать легко, когда ты сам войны не видел; когда твоя нация забыла, а то и нарочно постаралась забыть, как семьдесят лет назад бомбила города противника, нимало не заботясь о жертвах среди мирного населения и даже имея в виду, что чем больше гражданских сгорит, тем врагу страшнее и больше. А здесь война была вчера. И в двух шагах от Цхинвала, у Зарской дороги, простенький, но донельзя убедительный мемориал: десяток сожженных легковых машин. Обгорелые мертвые остовы, увитые красными лентами. На этих машинах уходили из города беженцы – и напоролась на грузинскую колонну. От мирных осетин, не сделавших никому плохого, не пытавшихся драться, просто убежавших от войны, остались очень маленькие головешки.

После такого сходят с ума. Еще вопрос, что страшнее: боевые действия или шок, когда победители оглядываются по сторонам и видят, что все вокруг к чертовой матери переломано – дома, семьи, судьбы... Но люди по большей части справились и с этим. Загнали внутрь – а куда еще? Здесь каждый, кто остался жив, носил в себе, как осколок, свежую память о войне. И если человека случайно толкнуть, осколок мог сместиться и сделать очень больно.

Поэтому, хоть война и кончилась девять месяцев назад, на самом деле она все еще дышала тут повсюду – не в минах и неразорвавшихся боеприпасах, которых было навалом, – а в людях. И ее герои попадались на каждом шагу – не в смысле «персонажи», а настоящие герои. Что силовики, что простые ополченцы. Некоторые такого навыворачивали – сами после верили с трудом. Ну как можно всемером и без единой пушки остановить грузинскую бригаду, которая прет на тебя с тяжелой бронетехникой? Теоретически нельзя, практически – смогли. У них не было выхода: они защищали свой дом.

Сейчас город был, конечно, плох, но вовсе не при смерти. Он держался, как в те дни – на своих людях. Из довоенных сорока тысяч их осталось в Цхинвале тысяч двадцать, ну, двадцать пять. Поэтому город стоял, не падал. Смотреть на него было страшновато, но в простреленных домах работали кафешки, магазинчики и парикмахерские, а по ухабам довольно бодро скакали перекошенные «Жигули» таксистов. Их было какое-то невероятное количество. Казалось, что основная мужская работа в городе – это либо служба в силовых структурах, либо таксование. Впрочем, неудивительно: завод «Вибромашина» закрыт, «ЭмальКабель» – разрушен. Больше производства вроде бы и нет.

И еще примета того, что стряслось с осетинами: среди разномастных «Жигулей» (пятьдесят рублей из конца в конец) на улицах часто встречались праворукие короткобазные дизельные «Паджеро» («Э-э, в Грузию в свое время их много завезли...»). Честноворовавшую у *гру-*

зинов легковушку тут можно было поставить на учет и получить чистые легальные документы за двадцать тысяч рублей. Военные ездили на трофейных армейских «Дефендерах», изъятых у грузинской полиции «Тундрах» и пикапах «Хайлюкс»...

Помимо «трофеев» в городе имелось две тачки, считавшиеся невероятно крутыми: «Форд Экспедишн». Одна принадлежала начальнику Госохраны, вторая – заместителю комбата разведки. И совсем отдельная история – президентский кортеж: бронированный «Геленд-ваген» с номером «А001АА» и три длинные «Нивы» сопровождения. Местный колорит.

А еще тут каждый, кто имел хоть какое-то отношение к силовым ведомствам, ходил с оружием. Кому положено, кому не положено носить табельный пистолет – все равно торчит из-за пояса рукоятка ТТ. Если сотрудник – женщина, значит ствол в сумочке, и будь уверен, достанет она его очень быстро. Она всегда готова к обороне, и навык у нее есть.

Ведь трагедия «восемь-восемь-восемь» случилась не вдруг, беда надвигалась год за годом, и все это время тут стреляли, тут было опасно жить. Поэтому когда гнойник наконец прорвало, и из него хлынули грузинские танки, люди бросились в войну, как в воду, головой вперед. Ушли драться – и до сих пор не вернулись.

– Пойдем, – сказал Миша. – Извини, мне еще бегать и бегать сегодня.

Ресёрчер что-то дописал в блокноте, потом решительно зачеркнул. Молча кивнул, и они начали спускаться к городу. Ресёрчер был парень опытный, но, по профессии, задумчивый, и Миша не отпускал его от себя далеко. Тут совсем рядом торчал из травы хвостовик неразорвавшегося «града», а сколько еще такой ерунды валяется по кустам – не сосчитаешь. Шаг вправо, шаг влево – бабах, и труп.

У ресёрчера все было, в общем, нормально, у директора тоже.

Только у Миши – непонятно.

Хотя чего тут не понять, когда из материального обеспечения у тебя в наличии фига без масла да Пиротехник с раненой ногой.

Миша надеялся сбежать от идиотизма, но идиотизм догнал его.

* * *

Цхинвал расположен в своеобразной чаше между гор, и едва кончился дождь, чашу начала полегоньку заполнять жара. Она будто сползала вниз со скал. Сначала было на доньшке, потом по колено, а дальше ты физически ощущал, как горячий воздух поднимается выше, выше, и вот уже по шею, а вот и с головой. Затопило.

Нормальные люди перемещались сквозь жару, будто плыли в ней, а Миша – бегал, рассекая. От этого он еще больше нагревался, но двигаться неспешно не позволяла ситуация.

Миша был заранее готов к проблемам, ну так и проблемы – заранее готовы к Мише. Только они, подлые, сначала затаились, дали ему расслабиться, поверить, что все хорошо, а потом набросились из засады.

Первые дня три все было просто волшебным и получалось само собой.

Наладить контакт с местными оказалось легко. Сначала Миша держался настороженно: в Цхинвале царил послевоенный бардак, когда власть вроде есть, но непонятная какая-то, и порядок на улицах вроде есть, но тоже непонятный. Зато любовь к России такая, что тебя каждый встречный готов зацеловать насмерть. Проходя по городу, Миша видел там и сям надписи на стенах, где краской, где побелкой: «Спасибо, русские!», «Спасибо, Россия!». Тут знали, кто пришел на выручку, тут помнили добро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.